

Как только дверь ванной закрылась, Цао Е охватило дурное предчувствие: дело приняло серьёзный оборот. Он не был публичной фигурой и не имел опыта общения с прессой. В порыве гнева он даже не подумал, что обычная драка может стать достоянием общественности.

Цао Е схватил телефон и ввел в поисковой строке «Лян Сычжэ». Выданные страницы пестрели заголовками об отказе от съёмок. Он открыл первую ссылку и быстро прокрутил текст вниз. Чем больше он читал, тем сильнее росло его беспокойство. Что это за статья? Он сам устроил драку и заявил об отказе от съёмок, но в статье не было ни слова о нём, вся вина ложилась на Лян Сычжэ. Дойдя до конца статьи, Цао Е замер. На фотографии, сопровождающей статью, они шли рядом, и Лян Сычжэ прикрывал его лицо рукой, в то время как собственное лицо Лян Сычжэ было отчетливо видно.

— Чтобы тебя не сфотографировали, — вспомнил он слова Лян Сычжэ прошлой ночью. Тогда он подумал, что тот пытается спрятать его от камер телефонов прохожих. Но теперь ему пришло в голову, что, возможно, Лян Сычжэ уже тогда предвидел возможность огласки? Затем он вспомнил, как Лян Сычжэ, выходя из туалета, выхватил телефон из рук снимавшего их человека и удалил видео. Если он даже пьяным помнил о том, чтобы не дать себя снять, то зачем он вообще вышел с ним из отеля?

Комментарии под статьей единодушно осуждали Лян Сычжэ:

«Если съёмочная группа не устраивала его по финансовым причинам, зачем надо было соглашаться на эту роль? Что за ерунда — отказываться от съёмок на полпути?»

«Наверное, он хотел сниматься только у именитых режиссёров, а потом передумал. Задрал нос слишком высоко».

«Сбежал посредине съёмок. Кто теперь рискнёт с ним работать?»

«Кто-то предсказывал, что карьера Лян Сычжэ будет недолгой. Наверное, гадалка, раз так точно угадала!»

«Начал блестяще, а закончил плачевно. Теперь ему везде путь закрыт».

«Неудивительно, что он получил эту фальшивую награду, раз он способен на такое».

Пальцы Цао Е так сильно сжали телефон, что чуть не раздавили его. Эти люди понятия не имели, что произошло на самом деле, а взялись судить о ситуации! Из ванной не доносилось ни звука воды, ни каких-либо других звуков. Лян Сычжэ не принимал душ и не умывался. Неужели он тоже читал эти глупые комментарии? О чём он думал?

Боже... как же все так обернулось!? Цао Е поднес кулак ко лбу. На тыльной стороне его ладони вздулись вены. Он не подумал о том, что любое его действие может быть использовано против Лян Сычжэ и могло поставить его в безвыходное положение перед лицом общественного мнения.

Что теперь делать? Он не может позволить Лян Сычжэ расплачиваться за его импульсивный поступок. Он должен обратиться в СМИ и рассказать им, что это он устроил драку и заявил об отказе от съемок. Их статья — клевета, ложь, напраслина! Он встал и направился к двери. Он свяжется с прессой и расскажет им, что Лян Сычжэ не имеет к этому никакого отношения. Цао Е подошел к двери, открыл её и вышел.

Лян Сычжэ стоял, прислонившись к двери ванной, и писал сообщение Сюй Юньчу. До того, как проснуться, Сюй Юньчу звонила ему раз десять, но телефон был на беззвучном режиме, и он пропустил все её звонки. Сообщение еще не было отправлено, как вдруг до него донеслись шаги, а затем громкий хлопок двери. Лян Сычжэ сразу понял: Цао Е ушел. Он не знал, куда тот направляется, но чувствовал, что в таком резком действии Цао Е было что-то импульсивное. Лян Сычжэ убрал телефон, быстро развернулся, открыл дверь и бросился вдогонку, крикнув в спину Цао Е:

— Цао Е, ты куда?!

Цао Е быстро пробежал по коридору, свернул к лестнице и уже стремительно спускался вниз:

— Не твоё дело!

Лян Сычжэ, держась за перила, поспешил за ним. Он хотел остановить Цао Е, но тот бежал слишком быстро, и расстояние между ними не сокращалось, оставаясь прежним — несколько метров. Цао Е почти спустился, ещё пара шагов — и он уже будет на улице. Лян Сычжэ, остановился, переводя дыхание:

— Ты правда хочешь, чтобы я погнался за тобой на улицу, и нас снова сфотографировали?!

Как только он закончил фразу, Цао Е уже стоял у двери, держась за ручку. В тот момент, когда он собирался её открыть, он замер. Повернув голову и сглотнув, он сказал пересохшим горлом:

— Тогда не выходи.

— Ты же знал, что я пойду за тобой. Так скажи, куда ты собрался?

— Я никуда не иду, я просто проголодался, — Цао Е, солгав, отвёл взгляд. — Хочу купить что-нибудь поесть, можно?

— Купить поесть? Тогда зачем ты так быстро бежал? — Лян Сычжэ подошел к нему, не отступая ни на шаг.

— Не спрашивай, — раздражённо ответил Цао Е. Ему очень хотелось выйти, но он боялся, что Лян Сычжэ действительно погнался бы за ним.

— Хорошо, не буду спрашивать. Тогда пошли обратно, — Лян Сычжэ остановился перед ним, взял его за запястье и повел назад.

— И не надо меня удерживать! — Цао Е попытался вырваться, но Лян Сычжэ крепко держал его руку.

— Не уходи, — Лян Сычжэ остановился и, обернувшись, посмотрел на него. — Никуда не уходи, Цао Е. Просто останься со мной. Если ты голоден, я попрошу, чтобы нам принесли еду.

— Перестань меня удерживать! — Цао Е внезапно повысил голос. — Ты хочешь, чтобы я как трус прятался здесь, пока все вокруг поливают тебя грязью?!

— А что ты сделаешь, если выйдешь? — спокойно спросил Лян Сычжэ. — Расскажешь всем, что всё это сделал ты?

— Да, — ответил Цао Е, почти на грани срыва. — Я скажу им, что это я ударил того продюсера! Это я отказался от съёмки! Ты ни при чём! Пусть обрушат свой гнев на меня!

— Не глупи, Цао Е, — Лян Сычжэ усмехнулся, но это было похоже не на смех, а скорее на вздох. Он отвернулся. — Ты знаешь, почему они не упомянули тебя? Не потому, что они тебя не знают. Скорее всего, тот продюсер уже разузнал, что твой отец — Цао Сююань. Он не посмеет связываться с прессой и навлекать на себя гнев твоего отца. Он просто вылетит из индустрии. Не лезь на рожон, не давай им новый повод для сплетен. Ты только сыграешь ему на руку.

Мгновенно все поняв, юноша обмяк, и напряжение в его руке спало. Лян Сычжэ увидел на его лице беспомощность, страх и нерешительность. Все-таки он ещё совсем юный. Вырос в роскоши, привык к лёгким победам, не сталкивался ни с чем серьёзным. Импульсивный и ранимый, совсем как он сам в те годы, когда играл на скрипке. Как он мог позволить этому юноше столкнуться с жестокостью прессы и разделить с ним шквал критики?

— Пойдём, поднимемся наверх, — Лян Сычжэ потянул Цао Е обратно.

— И что теперь делать? — растерянно спросил Цао Е.

— Ничего страшного, — Лян Сычжэ обернулся и улыбнулся ему. — Меня и раньше ругали. Когда была ситуация с дублёром, мне досталось гораздо сильнее, и ничего, я пережил... Общественное мнение как море: бывает прилив, бывает отлив. Сейчас прилив, через пару дней будет отлив, и все утихнет. Вот увидишь.

Он говорил так легко и уверенно, что растерянный Цао Е почти ему поверил.

— А вдруг, как они пишут, тебя перестанут приглашать на съёмки? — снова спросил он.

— Не думаю, — Лян Сычжэ снова улыбнулся. — Предложений мне и сейчас хватает.

В этот момент у него зазвонил телефон. Он посмотрел на экран — на этот раз звонил не агент, а кто-то из руководства компании.

— Я отвечу на звонок, а ты иди в номер, — сказал Лян Сычжэ, посмотрев на Цао Е и, в шутку добавил, — И не вздумай снова сбежать.

— Я не сбежал, — возразил Цао Е. После слов Лян Сычжэ он уже успокоился.

Он вошёл в номер. Снизу доносился шум оживленного рынка, все было как обычно, как и два года назад. Казалось, что бурлящее в интернете общественное мнение никак не касалось тихой улочки Иньсы. Цао Е умылся и, немного растерявшись, сел на край кровати. Лян Сычжэ отговорил его от обращения к прессе, и он согласился с его доводами. Но что ему делать теперь? Просто сидеть сложа руки и смотреть, как Лян Сычжэ страдает от этой истории?

Он чувствовал себя ужасно. Ладно, для начала нужно заказать завтрак. Он ничего не ел с прошлого вечера и уже начинал ощущать голод. Выйдя из комнаты, он огляделся по сторонам. На третьем этаже не было официантов, нужно было спускаться вниз. Лучше он сам сходит за едой, предупредив Лян Сычжэ, чтобы тот не подумал, что он снова сбежал.

Лян Сычжэ разговаривал по телефону в дальнем конце коридора. Цао Е подошел ближе. Солнечный свет, проникавший сквозь окно, был очень ярким, почти ослепительным, и Лян Сычжэ стоял как будто в ореоле этого света. Он склонился над подоконником, подперев рукой лоб. Его худые плечи были напряжены. Он был поглощён разговором и не заметил приближения Цао Е. Тот услышал обрывки его фраз, произнесенных негромко, но с холодной и раздраженной интонацией, которую он никогда раньше не слышал:

— Извиниться могу, но на ужин с ним не пойду.

— Я не просил компанию выплачивать за меня неустойку. Сейчас я не могу себе этого позволить, буду выплачивать постепенно.

— Тогда я буду играть второстепенные роли, статистов. Так, наверное, можно?

— Какое право компания имеет отстранять меня?

— Я не могу подставить друга, чтобы он принял удар на себя. Я уже говорил об этом.

— Я понимаю. Мне нужно время подумать.

Закончив разговор, Лян Сычжэ поднялся не сразу. Рука с телефоном медленно опустилась вдоль тела, а он так и остался стоять, склонившись над подоконником. Стоя в нескольких шагах от него, Цао Е почувствовал, как тот тяжело вздохнул, словно от этого вздоха у него опустились плечи.

Только сейчас Цао Е осознал, что Лян Сычжэ всего на два года старше его и тоже не знает, что делать в этой ситуации. Он — главный герой этой истории, его репутация, будущее, карьера — всё было на кону. Ему было всего двадцать, он снялся лишь в одном фильме, стал известен публике всего несколько месяцев назад. Как он мог сохранять такое спокойствие? На самом деле он наверняка переживал, но делал вид, что все в порядке. А он, глупец, поверил ему. Может быть, Лян Сычжэ просто очень хороший актёр?

Цао Е подумал, что ему, наверное, не стоит стоять здесь. Лян Сычжэ вряд ли захочет, чтобы он видел его в таком состоянии. Но он не мог сдвинуться с места, словно прирос к полу. В этот момент Лян Сычжэ выпрямился и, казалось, о чем-то задумавшись, опустил голову. Через мгновение он повернулся и, увидев Цао Е, замер на секунду.

Не успев надеть маску на своё лицо, он на мгновение открылся Цао Е — усталый и встревоженный. Лян Сычжэ подошел к нему. Цао Е подумал, что он сейчас что-то скажет, но Лян Сычжэ промолчал. Он просто остановился перед Цао Е, обнял его одной рукой за спину и прижался лбом к его плечу. Цао Е чувствовал его тяжесть на своем плече и его дыхание, которое сквозь ткань толстовки касалось кожи. Эта близость смущала его, но он не мог оттолкнуть Лян Сычжэ.

— Это был звонок из твоей компании? — тихо спросил Цао Е, повернув голову. — Они хотят отстранить тебя [1]?

[1] дословно переводится как «Они сказали, что заморозят тебя?» В данном контексте «заморозить» (冻冻 xiǔcáng) — идиоматическое выражение, означающее отстранение артиста от работы, прекращение его публичной деятельности по решению руководства компании. Это делается для того, чтобы замять скандал, пока шумиха не утихнет, или чтобы наказать артиста. Артиста перестают продвигать, не дают ему ролей, не приглашают на мероприятия и т.д. Это своего рода неофициальное отстранение или бойкот.

— Просто угрожают, — ответил Лян Сычжэ едва слышно. — Не обращай внимания.

— Они снова хотят, чтобы ты извинялся и шел с ними выпить?

На этот раз Лян Сычжэ промолчал. Цао Е не стал настаивать. Они стояли молча. Кто-то вышел из номера, но они не шелохнулись. Женщина, проходя к лестнице, бросила на них странный взгляд. Лишь когда её шаги стихли, Лян Сычжэ выпрямился. Следы усталости и тревоги исчезли с его лица. Он мягко похлопал Цао Е по плечу:

— Давай вернёмся в комнату.

Вернувшись в номер, Лян Сычжэ больше ничего не сказал и отправился в ванную. Цао Е не находил себе места и поминутно проверял новости на телефоне. В этот момент ему позвонил Линь Янь.

— Черт возьми, Е-цзы! — воскликнул Линь Янь, как только Цао Е ответил на звонок. — Вы вчера такое устроили! Я сидел слишком далеко и ничего не слышал.

— Ты тоже видел новости? — спросил Цао Е.

— А то! Газеты, телевидение, интернет — везде только об этом и пишут. Хочешь не видеть, а не получится... Так вы правда избили того продюсера?

— Я его избил. Не мы, — раздраженно поправил его Цао Е. — Он этого не делал.

Линь Янь, видимо, пил воду, потому что поперхнулся и закашлялся:

— Ха? Ты что, решил поиграть в героя-спасителя?

— Я кладу трубку, — Цао Е был не в настроении болтать.

— Эй, погоди! — крикнул Линь Янь. — У меня есть инсайдерская информация, не отключайся!

— Какая?

— Я только что слышал от брата, что вы, кажется, зацепили ещё одного инвестора. Говорят, он довольно влиятельный. Он уже звонил моему брату и просил не давать Лян Сычжэ ролей.

— И твой брат его послушает?

— Ну, не то, чтобы послушает. Просто они все работают в одной индустрии, надо же как-то сохранить лицо. Лян Сычжэ не такая уж большая звезда, будет он сниматься или нет — для фильма это неважно. Кроме того, я слышал, что этот инвестор знаком с директором компании Лян Сычжэ, и довольно близко. Он уже попросил его, чтобы Лян Сычжэ не выносил сор из избы насчет вечеринки, иначе он его отстранит... Эй, Е-цзы, ты чего молчишь? Ау! Ты где? — Линь Янь несколько раз позвал Цао Е, но, не получив ответа, с досадой повесил трубку.

Этот разговор ошеломил Цао Е. Так вот что имел в виду Лян Сычжэ, когда говорил про отстранение. Он хотел рассказать СМИ о выходах продюсера и инвестора, но его опередили. Лян Сычжэ был в ловушке. СМИ, общественное мнение, инвестор, компания — все давили на него. Похоже, любой путь вёл в никуда. Что же делать?... Похоже, во всем мире только он и Лян Сычжэ были на одной стороне. Спокойно, нужно подумать. Есть ли кто-то, кто не зависит от этих сил?

Конечно, Цао Сююань! Он смог сделать Лян Сычжэ звездой из никому не известного новичка, значит, сможет и снова привести его на церемонию награждения. К тому же, в новостях недавно писали, что Цао Сююань ищет новых актёров для своего фильма. После того, как он открыл нескольких звёзд, к его кастингам было приковано всеобщее внимание.

Какая ирония. Этот падший бог до сих пор излучал ослепительный свет. Свет, который мог дать ему единственный лучик надежды в этой безвыходной ситуации. В конце концов, когда он думал о самом влиятельном человеке в киноиндустрии, ему на ум приходил только Цао Сююань. Цао Сююань не боялся общественного мнения, он мог противостоять СМИ, он не зависел от инвесторов, и, если он попросил бы, компания Лян Сычжэ не смогла бы ему отказать.

Но... поможет ли ему Цао Сююань? Он никогда не снимал одного и того же новичка дважды — это правило, выведенное журналистами, и Чжэн Инь тоже говорил об этом. Он не станет делать исключение только ради своего непутёвого сына. Тогда нужно попросить Чжэн Иня. Наверное, только он один в мире мог повлиять на Цао Сююаня. Цао Е опустил голову, чтобы набрать номер. Чжэн Инь давно был у него в черном списке, но он вдруг понял, что помнит его номер наизусть. Неудивительно. С самого детства, приезжая в аэропорт, он первым делом звонил Чжэн Иню. Телефон прозвонил дважды, и Чжэн Инь быстро ответил:

— Сяо Е, ты где сейчас?

Этот знакомый голос вызвал у него отвращение, но он не мог отрицать, что внезапно почувствовал облегчение. Когда-то Чжэн Инь и Цао Сююань казались ему всемогущими.

— Я в «Лазурной вечеринке», с Лян Сычжэ, — он постарался говорить спокойно.

— Это ты был с Лян Сычжэ на тех фотографиях?

— Да.

— Вы влипли по-крупному. Вчера мне звонили и спрашивали, ты ли на том фото. Если бы они не боялись твоего отца, вас бы уже с Лян Сычжэ вместе засветили во всех СМИ. Сяо Е, не делай глупостей, не лезь на рожон, пока сидите тихо.

— Лян Сычжэ мне уже сказал то же самое.

— А, — протянул Чжэн Инь. — Сычжэ — умный парень, слушайся его, не принимай самостоятельных решений.

— Угу, — Цао Е помедлил, а затем с трудом произнес: — Дядя Инь.

Он давно не называл его так, и эти слова словно застряли у него в горле. Чжэн Инь, кажется, тоже опешил. Через мгновение он ответил:

— Да.

— Я хотел бы попросить тебя об одолжении, — сказал Цао Е. — Я слышал, что мой отец проводит кастинг. У Лян Сычжэ сейчас нет работы. Не мог бы ты... попросить моего отца не

проводить кастинг, а сразу взять его на роль?

— Это... — Чжэн Инь явно колебался. — Сяо Е, ты ставишь меня в трудное положение. Твой отец действительно проводит кастинг, но ты же знаешь, что он не берёт одного и того же новичка дважды. Чжан Минхань — яркий тому пример. Он идеально подходил на роль сяо Маня, но даже до проб не дошел. Сяо Е, я могу помочь тебе с чем угодно, но твой отец никогда не слушает чужих советов по поводу кастинга...

— Дядя Инь, в детстве мне казалось, что ты можешь всё, — перебил его Цао Е. Он сам разорвал свою рану и даже, сам того не ожидая, прибегнул к угрозе. — Я не рассказывал маме о тебе и моем отце. Думаю... ты тоже не хочешь, чтобы она об этом узнала.

Чжэн Инь замолчал. Цао Е чувствовал боль от вновь открывшейся раны, но вместе с тем и странное удовлетворение. Упоминание об этом в разговоре с Чжэн Инем даже доставляло ему чувство мести. Он действительно хотел увидеть, как Чжэн Инь смутится и почувствует себя виноватым, как поддастся его угрозе. И действительно, помолчав, Чжэн Инь сказал:

— Хорошо, я сделаю все возможное, чтобы Лян Сычжэ получил эту роль. Но, сяо Е, ты должен понимать, что я соглашаюсь не из-за твоей угрозы. Я хочу предложить тебе сделку.

Даже лицемерил он с таким достоинством. Цао Е подавил неприятное чувство:

— Говори.

— Я не буду тебя принуждать, но ты должен пообещать мне, что, когда все это закончится, ты уделишь мне немного времени, и мы всё обсудим.

— Хорошо, — согласился Цао Е.

— Договорились, — ответил Чжэн Инь. — Тогда ждите в «Лазурной вечеринке». Я сейчас в

отъезде, но пришлю за вами водителя, он отвезёт вас в компанию. Встретимся и всё обсудим.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12811/1130285>